

Лапта

Мячик «свечкой» ушёл в высоту,
и бегут, догоняют друг друга
ребятишки, играя в лапту
в шумном сквере за Домом досуга.

Рядом — мрамор пригрела весна,
тополя, как в поклоне, согнулись.
Этот мрамор хранит имена
тех солдат, что с войны не вернулись,

полегли, но я вижу порой,
как они все стоят у ограды
и любятся детской игрой,
и весеннему солнышку рады.

Ночь покаяния

Почему-то сегодня я спать не хочу.
Эта ночь бесконечна.
Про какие долги вспоминаю, шепчу?
Не про деньги, конечно.

Может статься, и нет этих самых долгов,
зря я краски стущаю.
Всё равно, настоящих и мнимых врагов
я сегодня прощаю.

Жаль, что жизнь, как кино, не открутишь назад,
нет годам возвращенья.
И кому-то уже не помотришь в глаза,
не попросишь прощенья.

Почему-то сегодня я спать не хочу.
Ночь всё длится и длится.
Надо в церковь сходить и поставить свечу,
да за всех помолиться.

Марии Надеевой

Спой, Мария, песню об Унге,
речке, что дала название краю,
о степи бескрайней, о тайге.
Я ту песню слыша, замираю.

Спой, Мария, песню о любви.
Я вернусь к душевному уюту.
Песней мою юность позови,
пусть она придёт хоть на минуту.

Спой, Мария, по-бурятски мне,
хоть опять я не пойму ни слова.
Жаворонком звонким по весне
пусть звучит твой дивный голос снова

Спой, Мария, песню. Просто — спой.
Спой мне своим голосом чудесным.
Пусть летит, Мария, голос твой
прямо в небо к Ангелам небесным.

* * *

Куда идём мы, правый Боже,
сквозь мрак, туманы и дожди?
Куда, сумняшеся ничтоже,
Ведут нас новые вожди?

Когда прозреет Божьим словом
люди православный на Руси?
О Богородица, покровом
укрой наш храм и нас спаси!

* * *

Май. Легко мне дышится.
Кончился апрель.
Скоро ли услышится
жаворонка трель?

Вешнею водицею
окроплён ковыль.
Мчится вольной птицею
мой автомобиль.

Над моей дорогою
синева небес.
Как мне душу трогают
поле, речка, лес,

старые валежники
около сосны,

первые подснежники,
баловни весны.

Еду, еду мимо я
на стальном коне,
Родина любимая
греет душу мне.

Зарок

Сказали светлые умы:
не зарекайся от сумы,
не зарекайся от тюрьмы,
не зарекайся.

А если что наговорил,
плохое дело сотворил,
не ту дорожку проторил —
приди, покайся.

Не зарекаюсь от сумы,
не зарекаюсь от тюрьмы,
но в жизни, с детства знаем мы,
бывает всяко.

Вот вышел вдруг на скользкий путь,
хотел ли, нет — не в этом суть,
но что прошло, то не вернуть.
Беда, однако.

Но если я собьюсь с пути,
скажу: «Господь, меня прости
и подскажи куда идти.
Я постараюсь».

Пусть Бог меня накажет, пусть!
От Бога я не отрекюсь.
И в этом я вам не клянусь,
а зарекаюсь.

Петухи

Не проспят и минутка в минутку,
когда только проклянется день,
заиграют крестьянам побудку
вековые часы деревень.

Здесь осталась опора Союза,
юность прежняя прежней страны,
что теперь государству обуза,
раз к работе уже не годны.

Старикам вы играете что ли?
Ведь сбежала давно молодёжь.
За копейки горбатиться в поле
добровольцев уже не найдёшь.

Вековечные пасынки власти,
не пойму за какие грехи...
Вы им утро бессонное скрасьте,
вы попойте для них, петухи.

Мальчик на крыше

Он уселся птенчиком
прямо на конёк,
зазвенел бубенчиком
детский голосок.

Прадед гонит борова,
семенит смешно.
Что на крыше — здорово,
позабыл давно.

Там на крыше чудится:
потянись слегка,
и желанье сбудется —
схватишь облака.

Мальчик ветром тешился —
весело, свежо!
— Ты куда утрёшился?!
Жвахнешься ужо!

* * *

Срок у жизни очень строгий.
Я к концу своей дороги
стану дряхлым и убогим,
по ночам хандрить начну.

И не справившись с тоскою,
я (с фамилией такою)
выйду в поле за рекою
да завою на луну.

Старшеклассница

Собирать подснежники в лесу
убежали все твои подружки.
У тебя экзамен на носу,
и на нём же милые веснушки.

Смотришь на подснежников букет,
мыслями с утра летаешь где-то.
Выучи хотя б один билет,
почитай вопросы и ответы.

Ищешь ты совсем другой ответ:
«Кто же на мансарду влез как кошка
и вот этот маленький букет
положил в открытое окошко?»

На книгу Геннадия Гайды «Посмертное»

От книги вдруг бессонница,
снотворным не помочь.
Хотел лишь ознакомиться,
а просидел всю ночь.

Слова обыкновенные,
обычный строй строки,
и мысли сокровенные
понятны и близки.

Он патриот Отечества
до кончиков волос.
Сказать мне больше нечего,
но есть один вопрос.

Мне не понять, наверное,
поэту от сохи,
как в сборнике «Посмертное»
бессмертные стихи?

Дому писателей имени П.П. Петрова

Дом писателей. Конечно,
знаю, знаю, этот дом.
Вот он, видишь, друг сердечный,
морды львиные на ём.

А повыше этих кошек
лица каменных девчат.
Видишь — вон, поверх окошек
ихни головы торчат.

Сам откуль? С Новонкутска?
Не бывал там, но слышал.

Двести с гаком до Иркутска
на маршrutке отмахал?

Ну, даёшь! С тобой всё ясно.
Прикатить в такой мороз!
А приехал ты напрасно,
писанину зря привёз.

И без нас добра такого
понапишут — будь здоров
в доме этого Петрова.
Кстати, кто такой Петров?

Людмиле

Я вспоминаю до сих пор
быль-небыль эту.
Июльский день, иркутский двор
и сигарету.

Изящно пальчиком своим
ты сбила пепел.
И как же близко мы стоим!
И день как светел!

Я молча на дымок гляжу
и в нём витаю.

Ну, почему я не скажу
о чём мечтаю?..

Врата мечтаю распахнуть
земного рая,
чтоб словно факел полыхнуть
в любви сгорая,

чтоб смерть пришла, косою звеня:
«Ты где, придурок?»
А там остался от меня
один окурок.

* * *

Это что такое?
Нервы сдали что ли?
Всё люблю живое,
чувствую их боли.

А сегодня к ночи
боль добавил нервам —
комара прикончил.
Но он начал первым.

Электричка

Вокзал, платформа, в город рейс,
локомотивов перекличка.
И застучала электричка
колёсами о стыки рельс.

Растратил годы я, простак,
свободно, щедро, без печали.
Колёса мне «тук-тук» стучали,
теперь стучат «тик-так, тик-так».

Гляжу в вагонное окно
под стук летящей электрички
и вспоминаю по привычке
года, минувшие давно.

Средь пролетающих огней
мелькают вёрсты, годы, лица,
и жизнь, как электричка, мчится
к конечной станции моей.

* * *

Я бегу за синей птицей,
пот солёный на ресницы,
пыль дорожная клубится,
только искры от камней.

Уж пора угомониться,
не поймать мне синей птицы,
всё равно мне не сидится,
всё равно бегу за ней.

* * *

Снова стряпает указ
наша власть-процентщица,
и уже в который раз
наш доход уменьшится.

До каких же это пор?
Может, надоест кому,
он возьмётся за топор...
...Всё по Достоевскому.

* * *

Я люблю читателей и люблю читательниц —
жён, невесток, тещ, сестёр, тёток, матерей,
снох, племянниц, кумушек, вдов, невест, своячениц,
крестниц, мачех, падчериц, внучек, дочерей,
свах, золовок, бабушек — все их поколения,
сватьюшек, свекровушек... Всех назвал, кажись.
Представляю в книге вам все свои творения,
но не про любовь они, а про нашу жизнь.

* * *

Нету, дед, махорки, только семечки.
Может, лучше сядем под рябиною.
Мне так любо слушать на скамеечке
речь твою певучую, старинную.

Вспомни свою жизнь обыкновенную,
власти помянув иносказательно,
вспомни свою молодость военную,
про охоту вспомни обязательно.

Как обычно, малость приукрась его,
свой рассказ бывалого охотника.
Жалко нет тут Гали Афанасьевой¹,
доброто научного работника.

Вы бы с ней о чём-нибудь поспорили,
по-сибирски просто побалакали.
Ты б поведал грустные истории,
мы бы с нею слушали и плакали.

С речью современной мне не дружится,
с той, что на саму себя пародия.
Говори, дед. Пусть над миром кружится
русской речи чистая мелодия.

Ангара

Ах, вы думы мои, думы малохольные,
вечно кем-то или чем-то недовольные.
Хватит! Утренней порою
праздник я себе устрою —
полечу над Ангарою
птицей вольною.

Надо мною синий тенгрий Тушемилова,
подо мною разноцветье края милого.
Вот раздолье для поэта,
хоть давным-давно всё это
у Распутина воспето
и Вампилова.

А река всё о плотины спотыкается.
Время кончилось грешить, пора нам каяться.
Сквозь засоры и заторы
песней бабушек Матёры
наша совесть на просторы
пробивается.

Мои дети — стихи

Я бреду тропой знакомой,
неприкаянный поэт.
Нет ни дерева, ни дома —
не женился — сына нет.

¹Галина Афанасьева-Медведева, учёный, доктор филологических наук, собирательница многолетнего собрания сибирских говоров.

И богатств не приумножил,
быт семейный не сложил.
Так до старости и дожил
(или правильной — дожил).

Пересчитываю снова:
недописанный стишок,
недосказанное слово,
незамоленный грешок...

Так живу на белом свете,
только вирши сочинив.
«Для поэта это — дети...»
говорит Владимир Скиф.

Срок кончается, похоже,
созиданий и страстей.
А поэты всё моложе,
а читатели всё строже.
Я молюсь: «Не дай мне, Боже,
пережить своих детей».